

На стыке жанров

Л. А. Абрамян

БЕСЕДЫ У ДЕРЕВА

От редакции

Работа Л. А. Абрамяна, вероятно, будет неожиданностью для читателей нашего журнала как вследствие своей свободной художественной формы, не сводимой к какому-либо литературному, тем более научному, жанру, так и благодаря непривычному подходу к описываемому предмету. Предмет-то как раз в высшей степени этнографичный — традиции и верования народов в их словесном (пословицы и поговорки) и действенном (обряды, ритуалы) проявлении. Но вот этнографический комментарий в форме медитации, внутреннего диалога автора — вещь совсем для нас не привычная, тем более что мы не избалованы даже эссеистикой.

Впрочем, читателю «Бесед у дерева» нужно будет преодолеть не трудности восприятия (о каких трудностях можно говорить применительно к этим почти стихотворениям в прозе?), а скорее стереотипы восприятия (научный текст так не выглядит!). Действительно, Л. А. Абрамян пытается воссоздать некое единство, напоминающее архаическое состояние, из которого развились искусство, магия, наука, поэзия. Но, принимая во внимание то, что современная мифологическая наука весьма преуспела в разложении этого единства на элементарные составляющие, вовсе небезынтесен противоположный ему синтез, тем более что современная литература «магического реализма» представляет собой последовательное развитие этого жанра.

Остается лишь добавить, что эта работа написана более 10 лет назад, и опубликована с тех пор лишь небольшая ее часть в сборнике Географического общества СССР (Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979. С. 55—85), а также в книге: Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983.

* * *

1. Поляна, замершая в знойный полдень. Но вот пробежал ветерок — и зашелестели листья, зашевелилась трава, задвигались тени. Поляна ожила.

3. Все движущееся мы склонны воспринимать как живое. Котенок играет только с движущимся клубком — как с живым. В опытах профессора Гржимека звери сперва принимали своих резиновых собратьев за живых и пытались играть с ними, но когда те ничего не делали в ответ, они быстро теряли к ним всякий интерес.

5. Столь непохожий на волка Фарли Моузт, отметив по-волчьи свои владения, был тут же принят волками за своего — с тех пор они свято соблюдали волчьи законы суверенитета¹. Но ты можешь возразить, что Фарли Моузт подражал не тому, как волки мочились, а тому, что они просто мочились. Он, скажем, не становился на четвереньки и не поднимал характерно ногу, да и мочился он тайком от волков, когда те были на охоте. Еще ты можешь сказать, что Моузт мог бы сидеть перед волками и синтезировать в колбе мочу, а затем отмечать ею свои границы, нагло поглядывая на озадаченных волков. Значит, он подражал моче, а не волкам. Да, но волки, заметив отметки на камнях, тут же сами пометили их, но с другой стороны, т. е. они восприняли это как появление нового волка, который так же, как они, отмечает свои

¹ Моузт Ф. Не кричи, волки! М., 1968. С. 56—57.

границы. Волки помнят о своих действиях, и поэтому моча Моуэта воспринимается ими как его действие.

6. Бесплодная женщина исцелится от своего страдания, если помочится на крыше того дома, где недавно родился первенец,— конечно, тайком от хозяев дома, потому что этим она может навлечь бесплодие на роженицу.

— И ребенок, и моча находились во чреве своих матерей. Но чтобы чрево получило чудесные свойства, моча должна выйти оттуда как ребенок.

— Но моча — это тот «неребенок», который изгоняется из чрева, и именно она передает бесплодие роженице. Избавившись от этого «неребенка», очистившееся чрево, разверзшись над плодоносным чревом роженицы, приобретает чудесные свойства. В другом ритуале бесплодная женщина несколько раз перепрыгивает через еще не принявшую покойника могилу. В прыжке два чрева, две разверстые могилы максимально уподобляются друг другу. Но одна из них скоро «забеременеет».

Или же бесплодие отдается убитому, не получившему причастия, когда мочатся на его могиле в «руках и ногах»². Моча-«неплод» посылается непричащенному покойнику в руки и ноги, чтобы тот взял его и унес с собой в ад.

8. «От мора и болезней хозяин опахивает двор сохой на жене, а бабы на себе опахивают деревни, раздевшись донага»³.

— Земля вспахивается, т. е. в ней открываются бесчисленные ямки, куда должна сгинуть болезнь. И делают это женщины, сняв с себя одежду. Всякое раздевание, будь то смелый вырез бального платья или взмах юбкой в танце,— это частичное обнажение лона, самого скрытого места женщины. Но бабы здесь раздеваются донага и на себе опахивают деревни. Для болезней нет больше места на земле — и снизу, и сверху их подстерегают два лона, две могилы, которые поглотят их безвозвратно.

10. Как бы описал в своем дневнике наблюдатель из § 2⁴ поведение теней? Возможно, в его стране нет теней. Написал бы он о таинственной неразлучности двух сущностей у колышимых ветром трав — плотной светлой и тонкой темной?

14. Наблюдатель из § 2, желая выпить воды, нагнулся над ручьем и вдруг увидел свое отражение. Возможно, он приехал из страны, где все ручьи мутные и где нет ничего блестящего. Кто же глянул тогда на него из ручья?

15. «Ребенку не показывать зеркала, чтоб не был пуглив»⁵.

Ребенок не узнает своего отражения и заглядывает за зеркало. И еще он может испугаться своего двойника. Шимпанзе также заглядывает за зеркало, впадает в гнев и еще долго угрожает своему двойнику кулаками, когда зеркало уберут.

В воде источников или где-нибудь вблизи них, в корыте, где купают новорожденного, или в кружке, из которой пьют воду, живут таинственные злые существа *каджки*. Они — наши злые зеркальные отображения и делают все наоборот. Они даже ходят вперед пятками — и обычно так, по следу, их и выявляют⁶.

Может, быть, в глубине души мы не любим, чтобы нас передразнивали? Только клоуны мы великодушно позволяем делать это, но клоун — отражение в кривом зеркале.

Может, поэтому в дуалистических космогонических мифах близнец, наделенный злым началом, обычно неудачно подражает своему благодетельному брату?

В финской легенде говорится: «Прежде чем появилась земля, стоял Бог на золотом столбце посредине моря. Когда он увидел в воде свое отражение, сказал он: „Вставай“. Это был черт»⁷.

Черт все делает наоборот богу. И те, кто служит ему, тоже поступают так. Достаточно слову «раб» в выражении «раб божий» превратиться в свой перевертень —

² Лисициан Ст. Армяне Зангезура. Ереван, 1969. С. 199—200, 272 (на арм. яз.).

³ Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 928.

⁴ § 2 отсутствует в рукописи, хотя автор нередко обращается к образу наблюдателя из § 2 (Примеч. редакции).

⁵ Даль В. Указ. раб. С. 939.

⁶ Лисициан Ст. Указ. раб. С. 299.

⁷ Мансикка В. Финские варианты к дуалистической легенде о сотворении мира// Этногр. обозрение. 1909—1910. № 2—3. С. 171.

«пар божий», чтобы тут же стать черным заговором⁸. Во время черной мессы служба читается с конца, и священник благославляет не правой рукой в воздухе, как обычно, а левой ногой на земле.

Если я поднимаю правую руку, то мой двойник в ручье поднимает левую. Убийца в одной из книг Агаты Кристи не учла этого, когда перед зеркалом готовилась к своей мрачной роли, и это погубило ее.

Такая особенность поведения нашего двойника получила отражение в многочисленных противопоставлениях правого и левого: от обычая сплевывать через левое плечо, потому что там дьявол, а ангел-хранитель у правого бока, до — «правая ягодица чешется — к болезни и печали, левая — к прибыли»⁹.

16. И как тени неразлучны с предметами, так всякое существо должно иметь своего зеркального двойника.

— Как бы мы восприняли человека, не отражающегося в зеркале? Это страшнее, чем если бы он не отбрасывал тени.

Если убить двойника, то умрет связанный с ним человек, поэтому черный маг пронзает сердце вольты, а разбитое зеркало — к смерти. Говорят, что в детстве я боялся фотографироваться, потому что застывший, мертвый снимок означал бы и мою смерть.

— Но наши зеркальные двойники более живучи, чем мы. Отражение покойника могло бы долго еще жить в зеркале, когда покойник уже надежно придавлен тяжелым камнем в могиле. К счастью, мы завешиваем все зеркала, пока он еще не ушел из дома.

18. Однако не бывает отражения без того, что отражается. Злая мачеха видит в своем волшебном зеркале не праздные картинки — там отражаются вещи, которые происходят на самом деле, только где-то в другом месте. Девушки во время гадания видят в зеркале что-то, чего еще не было и пока нет, значит это будет — ведь просто отражения не бывает.

19. Когда на древнее зеркало из танского рассказа падали лучи солнца, все изображения и знаки, начертанные на его обратной стороне, отчетливо выступали на тени, отбрасываемой зеркалом. Но это волшебное зеркало, и девушка-лиса не может сохранить перед ним свою личину¹⁰.

20. «Я стою за деревом и наблюдаю за собой».

— Но что ты имеешь в виду, когда говоришь «я» и «собой»? Каков этот свой образ?

21. Предположи, что у старого слепца обнаруживается единоутробный брат — вылитая копия, о существовании которого он и не подозревал. И желая сделать старику сюрприз, мы подводим к нему двойника и лукаво спрашиваем: «Кто это?». Узнает ли старик себя в своем брате? Ведь он специально не ощупывал себя. Он и так знает, что он — это он. Но он может узнать отдельные знакомые детали. «У него, пожалуй, так же оттопырены уши», — задумчиво бормочет он. Но он никогда не узнает ту руку, посредством которой происходит узнавание.

22. «Каков я из себя?» — говорю я и смотрюсь в зеркало. «А где же мой затылок?» — и я тщетно скашиваю глаза и верчу в руках зеркало. Правда, я могу соорудить хитроумное устройство из зеркал, при помощи которого смог бы увидеть себя со всех сторон.

Но у нашего далекого предка не было такого устройства. Отражение подстерегало его в ручье, когда он наклонялся, чтобы напиться. Оно поджидало его в любой луже и было то четким, то еле различимым. И стоило пробежать ветерку или упасть былинке, как оно уходило кругами и распадалось.

Образ нашего «я», это «другое я» в чем-то нечетко и всегда может расплыться, хотя мы и говорим самоуверенно: «Я такой-то» или «Я не такой-то».

⁸ Успенский Б., Лотман Ю. О семиотическом механизме культуры//Труды по знаковым системам. V. Уч. зап. Тартус. ун-та. 1971. Вып. 284. С. 155.

⁹ Диль В. Указ. раб. С. 323.

¹⁰ Ван Ду. Древнее зеркало//Танские новеллы. М., 1970. С. 15—26.

23. Представь себе ребенка, чью колыбель отец-зеркальщик окружил сложными системами зеркал и голографических устройств.

— Каким будет его «я»? Не подверженным изменениям? Более четким и осязаемым?

Или представь себе племя, члены которого способны окидывать взглядом все уголки своего тела. Мы подслушали, как один из них говорил другому: «И тогда я сказал...». Но поняли ли мы, что он имел в виду, когда говорил «я»?

24.— Но мы видим окружающих нас людей прежде, чем начинаем изучать себя в зеркале. И наше «я» — это скорее «другие».

— Тогда «я» человека, воспитанного волками,— это волк? И откуда мы знаем, что у него есть такое «я»? Он волк, и мы ничего не можем сказать о его «я».

Но слепец из § 21 знает свое «я», хотя никогда не видел ни себя, ни других людей, — во всяком случае, он употребляет это слово. Значит, образ его самого как-то создался у него, когда он обучался языку.

25. Ты видел сон, как с какими-то людьми делал что-то. Проснувшись, ты пытаешься вспомнить, как они выглядели. И это тебе более или менее удастся. Но вот что было на месте тебя самого? Можешь ли ты вспомнить себя во сне?

В абхазском и абазинском языках лишь первое лицо не различает грамматических классов¹¹.

Когда я говорю: «Я делаю...», мне не надо уточнять, кто я, женщина, мужчина или что-то другое. Я чувствую себя в этом «я», как во сне вижу себя.

Но в русском мы говорим «я сделал» и «я сделала». Всякое сделанное, свершившееся — это уже не совсем «мое», это нечто, оставшееся после меня, некий след, по которому может пойти любой следопыт. Мы часто воспринимаем свое прошлое как нечто, происшедшее с другим человеком, или, потеряв память, не верим рассказам о себе.

26. В английском языке для выражения будущего времени употребляются для первого лица слова с первоначальным, забытым уже значением долженствования, а для остальных лиц — со значением хотения.

Я знаю, что я буду делать и что буду делать, но я не могу сказать этого о других, и поэтому употребляю слова, вносящие оттенок неуверенности. Если же я не уверен в своих будущих действиях, то я говорю «I will do» — использовав «его» слово «will», я как бы на мгновение становлюсь чужим мне человеком, и я не вполне уверен, как поступит этот «он-я». Естественно, в противоположных ситуациях для «него» употребляют мое слово «shall».

27.— Почему в § 20 я наблюдаю за собой, а не «наблюдаю за я»? Или одного «я» здесь недостаточно? Ты хочешь возразить, что все дело в грамматике? Но ведь уже то, что «наблюдать» применено ко мне самому — а обычно мы наблюдаем «чужие» вещи,— говорит о том, что, не осознавая того, мы видим в себе что-то от чужого.

Что мы чувствуем, когда говорим «я сам»? Есть ли кто-либо еще рядом с «я»? Похоже ли это на сон, когда ты видишь себя делающим что-то и в то же время ты — это тот, кто непосредственно делает и радуется и страдает?

— Но мы говорим: «Я это сделаю сам». Может быть, этим «сам» мы как бы отграничиваем себя от других, делаем ненужной их заботу? Или утверждаем свой эгоизм? «Я сам это сделаю!». Замыкаемся в себе?

Если мы видим, как нечто движется непонятным образом, и мы не можем обнаружить выходящих из него веревочек, то мы говорим: «Оно идет само по себе». И если вдруг нас спросят, что мы понимаем под этим, то, паверное, мы представим себе что-то вроде запятанных в глубине механизмов.

— Иногда я остаюсь наедине с собой. Или говорю сам с собой. Предположи, что наблюдатель из § 2 случайно подслушал, как мы в беседе употребили эти выражения. Он может подумать, что есть кто-то, с кем я иногда остаюсь и говорю.

В языке этот «другой» постоянно присутствует, хотя мы и привыкли к нему и не замечаем его.

¹¹ Шакрыл К. С. Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми, 1971. С. 169.

28. Я могу закрыть глаза и «увидеть» дерево, у которого мы сидим, ручей, который бежит у наших ног, тебя, задумавшегося над чем-то. Но при желании я эти образы могу привести в движение — вот ты поднялся с места и направился к ручью, чтобы напиться, я спрашиваю тебя о чем-то и слышу твой ответ и т. д. Но могу ли я говорить с собой? Ты прав, это очень странный разговор. Как-то мне рассказали о человеке, который в одиночестве играл с самим собой в шашки — он даже вставал каждый раз с места и подходил к доске со стороны противника. Но ставил ли он свою шашку под удар, тайно надеясь, что «противник» не заметит этого хода и он возьмет фук?

Не будет ли ответ «другого я» таким же, как ответ ребенка, когда, забавляясь, мы спрашиваем его: «Боба, как тебя зовут?».

29. Другой в «я», в чем-то смутно связываемый с зеркалом, должен иметь что-то непонятно плохое, вредное. Но мы говорим иногда себе: «Ничего, брат!» — как бы ласково хлопаем себя по плечу.

Правда, наше отражение плохое — там, где у нас правое, у него левое, и потом оно еще имеет противную привычку передразнивать нас. Но мы не можем обойтись без него, мы ждем его в любом зеркале.

Жених и невеста смотрят в одно зеркало¹², их зеркальные двойники улыбаются, их головы почти соприкасаются, пусть же и молодые всегда будут вместе. А если кто-либо увидит себя отраженным в воде, то пусть произнесет: «Да будут у меня свет, сила, слава, богатство, доброе дело»¹³, потому что надо, чтобы мой двойник услышал заклинание и не получилось бы, что я буду делать добро, а он нет.

30. Можем ли мы говорить с тем другим, кто смутно угадывается в себе? Предположим, что ты задаешь вопрос. Но в ответ он молчит. Ведь он в то же время и ты, и его ответ тебе уже известен, как на самом деле ты ничего не приобретаешь, когда твоя правая рука дает что-то левой.

Правда, иногда мы слышим внутренний голос, но это так необычно, что мы со смехом рассказываем об этом в забавных историях или обращаемся к врачу.

Как-то я видел, как один человек разговаривал сам с собой, и, видимо, другой, сидевший в нем, говорил мерзкие вещи, потому что он бормотал что-то себе под нос, а потом вдруг, изменившись в лице, резко поворачивал голову в сторону и возмущенно отвечал что-то, беззвучно шевеля губами.

Во время коллективного монолога ребенок говорит вслух. Но к кому обращена его речь? Он не ждет ответа от окружающих его детей, но, может быть, эти «другие» помогают ему отчетливее чувствовать «другого» в себе? Но «другой» — это также и он, и ребенок ищет в нем знакомые черты, родное звучание языка родителей — поэтому он меньше говорит в обществе иноязычных детей. И потом этот «другой» должен уметь отвечать, хотя он и молчит, но возможность ответа таится уже в том, что присутствующие дети говорят — поэтому в обществе глухонемых детей ребенок больше молчит¹⁴.

Позже, засыпая, он может уже говорить вслух один, и другие ему уже не нужны, он даже избегает их, и, только спрятавшись, можно подслушать, что он говорит.

31. На каждый наш вопрос этот «другой» молчит. Но, может быть, в его молчании мы угадываем недоверие к сказанному? И поэтому пытаемся доказать свое высказывание? Мне не надо себе ничего доказывать, доказывают лишь чужому. Но этот незримый другой, глубоко сидящий во мне, обладает абсолютным знанием — я чувствую его молчаливый ответ, не успев еще оформить свой вопрос. Он недвижим и мудр, как Сократ Платона¹⁵.

То вредное, что досталось ему от зеркала, не позволяет ему поверить мне. Он — «чужой», а мои родные верят мне, не требуя доказательств.

¹² Чердынская свадьба. Пермь, 1969. С. 176.

¹³ Брихадараньяка упанишада. VI. 4.6.

¹⁴ Толкование поведения ребенка во время коллективного монолога делается на основании эксперимента Выготского. См.: *Выготский Л. С. Мышление и речь* // *Выготский Л. С. Собр. соч.* Т. 2. М., 1982. С. 327—330.

¹⁵ Ср. о Сократе Платона: *Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (Противостояние и встреча двух творческих принципов)* // *Типология и взаимосвязи литератур древнего мира.* М., 1971. С. 215.

Он снова молчит в ответ, и мы снова доказываем свои слова, и это продолжается до тех пор, пока все не станет на свои места и ему нечего больше возразить.

Не так ли возникает любое логическое заключение?¹⁶

32. — Я вижу, как бабочка, сидевшая на ветке, вспорхнула и улетела. И я могу описать тебе это. Описание — это путь. Я могу описать, как бабочка сидит на цветке, но тогда вокруг цветка движутся мои глаза.

— А если бабочка вечно сидит на своем цветке, а ты прикован неизлечимой болезнью к своему месту — как тогда ты опишешь мне эту бабочку?

— Возможно, я обойду вокруг нее мысленным взором, и это снова будет путь.

— Но я хочу, чтобы ты сказал что-то, не связанное с путем, что-то вроде «Есть бабочка».

— Но во всех вещах, которые есть, мы склонны видеть прошлые движения. В каждой горе и в каждом озере скрыты прошлые драмы, и Млечный Путь — это когда-то разбрызганное молоко, а этот красивый цветок — воспоминание о несчастном Нарциссе. За покоем бытия скрыты беспокойные действия Создателя или содрогания мирового яйца.

Но, возможно, ты не хочешь знать всего этого, ты просто твердишь: «Что-то есть! Что-то есть!». Но твой язык — это желобки, по которым ты катишь шары и не желаешь их движения.

Наша внутренняя речь состоит из одних сказуемых¹⁷ — мы сокращаем все, кроме действий, чтобы возможно было описание.

Те, кто знают вечный покой, не нуждаются в описаниях.

48. Мой восьмилетний сосед как-то по свойственной ему рассеянности решил два лишних примера. Но он уверил меня: «Это ничего! Вот один отличник из нашего класса сделал на три примера больше, но все равно получил пятерку».

И он это сказал таким тоном, что не оставалось сомнений, что он сам, будучи двоечником, все равно получит двойку.

Два мира, разделенные пропастью школьной недосыгаемости, «верх» и «низ» вдруг оказались тождественными, стоило им совершить одинаковые действия.

Всякая другая связь между этими противопоставляемыми классами каким-то образом не усматривается в этот момент. «Учись прилежно, веги себя хорошо — и ты тоже станешь отличником» — все эти правила разом обесценены.

Будто незримый древний закон, вдруг откуда-то появившийся, сразу сметает все с таким трудом накопленные связи и взамен них властно устанавливает свои.

50. Сказитель имеет дело с героями. Но вот ему встречается заведомо нехорошее существо, и оно в рассказе занимает то же место, что и герой в прошлых историях. Но что такое место героя? Это та роль, которую он играет в рассказе, те действия и поступки, которые он совершает. Для сказителя злодей действует так же, как и герой, он уже тоже герой, и сказитель почитает его как героя.

Моя тетя, сплетая свои чудесные и долгие истории, наделяет своих героев превосходными эпитетами. Я помню, как она описывала некую Ефронию, как та зверски избивала своего ребенка или как она нанесла моей тете роковой удар в печень. Но эта Ефрония — «славная», «благородная», «превосходная».

Вспомни, с каким паразитическим постоянством Дурьодхана и его недостойные братья наделяются положительными эпитетами. Ведь есть толкователи, которые в этом видят первоначальный блеск кауравов и верят, что превосходные эпитеты — это все, что осталось от их былой славы¹⁸.

Устные тексты моей тети как бы вышли из многовековой традиции эпоса. Она так же развивает основную тему, неизбежно повторяясь и возвращаясь к уже сказанному, замысловато обрамляет свои истории, живописно вставляет морализующие части, но во всем опирается на свои же более ранние тексты.

51. Ты, наверно, видел, как самец бабочки-бархатницы в сезон размножения преследует самку и как он срывает свой любовный пыл на разных вещах, пролетаю-

¹⁶ Ср. предположение об истоках логического заключения с идеей П. Лоренцена о состязании, споре в математической логике.

¹⁷ Выготский Л. С. Указ. раб. С. 333.

¹⁸ Об инверсионной теории см.: Held G. J. The Mahābhārata. An Ethnological Study. Amsterdam, 1935. P. 7. ff.

ших мимо него. Говорят, что некоторые незадачливые самцы пытаются даже преследовать птиц размером с дрозда. Они влюбляются в падающие листья и даже в собственную тень на земле¹⁹.

Все эти вещи движутся так же, как самка, и самец не может отличить их от своей подруги.

52. — Замечал ли ты, что, когда человек воображает себя Наполеоном, он в первую очередь делает характерный жест?

— Но, может быть, он уже каким-то образом стал Наполеоном и, будучи уже императором, делает его любимый жест? Ведь если он Наполеон, то и движения его должны быть императорскими.

А если ты хочешь возразить, что, когда ребенок верхом на палочке скачет по комнате, он чувствует себя настоящим кавалеристом, то я спрошу тебя: «Откуда же тебе известно, что он поскакал и поэтому стал кавалеристом? Может быть, он уже кавалерист, а что же обнимают его ноги, как не крупного доброго коня?».

— Возможно, ты и прав, и не надо во всем искать скрытые действия, хотя ты всегда можешь найти их. И потом ведь наша цель — не искать, что было раньше, яйцо или курица.

53. Когда колдуну надо превратиться в животное-тотем, он делает в танце ряд подражательных движений. А когда индус принимает с женой сперва позу рыбы, потом черепахи, колеса и морской раковины, он сам становится Вишну.

Посмотри, какое истинное действие! Чтобы превратиться в Вишну, индус уподобляется его первым четырем аватарам. Ты опять хочешь возразить, что в этих позах он просто становится похожим на ипостаси Вишну? Но это не просто мертвые позы — ведь это любовные бандхи. В них он, правда, уподобляется рыбе, черепахе и т. п., но это живые картинки. Постоянно действуя — и как действуя! — он сплетает эти картинки.

54. Для того, кто избрал путь чистого действия, акт любви — одно из возможных проявлений. Истинный любодеец недалек от великого прелюбодее. И вспомни, какую большую роль играет для Вседея-Панурга его знаменитый гульфик.

55. «Я делаю» иногда вырывается из того дома, который мы так долго и с таким трудом строили. Впрочем, это происходит не так уж редко. Просто мы не замечаем — ведь всякое живое существо в первую очередь что-то делает.

Это как бы «неразрывная точка, острейшие иглы... „Я делаю“ кажется имеющим определенный смысл, далекий от всякого опыта»²⁰.

56. Если я ничего не делаю, то даже это я описываю как свое действие — я бездельничаю.

«Люди за дело, а мы за безделье»²¹.

68. Если ты видел во сне, что ты умер, то, проснувшись, не огорчайся, знай, что это хороший знак — так утверждают сонники.

Ты умер, но, проснувшись, вновь видишь себя живым и здоровым. Ты умер и воскрес, чтобы стать более жизнеспособным и счастливым.

69. Говорят, что после бани как бы рождаются заново. Парящийся мучает себя, истязает себя вениками, но зато после чувствует себя как бы вновь родившимся. «Баня парит, баня правит»²².

«Иди ты в баню! — говорят шутливо, но в этой благопристойной замене как бы возрождается древний смысл, который когда-то вкладывался в «иди в п...», в это отправление ругаемого в «зону рождающих, производительных органов, в телесную могилу (или в телесную преисподнюю) для уничтожения и нового рождения»²³.

¹⁹ Тинберген Н. Поведение животных. М., 1969. С. 56.

²⁰ Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. § 620.

²¹ Даль В. Указ. раб. С. 256.

²² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, S. V. банить.

²³ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 33—34. Ср., однако, идеи Б. А. Успенского о бане как антихраме в контексте христианско-языческого двуязычия.

70. Нагая бабка обносит нагого новорожденного вокруг бани, приговаривая: «Заря орина (зарина), заря скорина, возьми с раба божия младенца N зыки и рыки дневные и ночные»²⁴.

Младенец обычно рождается в бане — его банят. И лоно роженицы тесно связано с баней. «Баня — мать родная»²⁵.

Повивальная бабка обращается к заре, чтобы та унесла дневные и ночные крики младенца. Младенец, родившись, кричит, и бабка произносит свой заговор, обнося новорожденного вокруг бани-лона. Ведь выйдя из лона, младенец издает свой первый крик, и бабка обнажает свое собственное лоно, нагая совершает обряд, чтобы был унесен именно этот первый крик, начало всех зыков и рыков. Ведь повивальная бабка непосредственно связана с лonom роженицы, и поэтому иногда ругаются и в ее адрес — *татмер*²⁶, «бабка-мать».

«От крику детей окачивают водой на родимом месте»²⁷.

Надо облить их водой там, где они кричали в первый раз, вода же смоем все. «Баня все грехи смоем»²⁸.

71. Баня «видит» наши самые сокровенные места. «Где ты была?» — спрашиваем мы. «В баню сходила», — отвечают нам, если хотят утаить от нас что-то²⁹. И это не просто отговорка. Ведь в бане все усердно скрываемое раскрывается. И я не вправе присутствовать при этом, для меня это секрет.

Баня — свидетельница брачного акта — ведь когда молодые моются, гостям не следует оставаться в доме, как нельзя им присутствовать при супружеской близости, к тому же эту баню готовят в строгом секрете. А банник, который вскрывается после первой бани молодых, изготовляют только замужние и свадебницы и тоже втайне от других и от самой невесты³⁰.

И баня смывает кровь новобрачной и в то же время вбирает в себя оплодотворяющие свойства брачного акта.

Баня должна одновременно принимать смерть старого тела и давать рождение повому. Если же баня почему-либо теряет порождающие свойства, то она превращается в банище — нечистое место, где нельзя строить жилье, или в совсем глупую «банную дуру», которая способна лишь принимать, ничего не давая взамен.

Баня, лишившись доброго начала, превращается в банника — злого духа, обитающего в бане. Банник при удобном случае старается запарить моющихся до смерти, удушает тех, кто вдруг уснет в бане, или сдирает кожу с родильницы, оставленной без присмотра.

143. — А теперь послушай, с какой задачей обратилась ко мне как-то одна женщина. Ее дети почему-то погибали либо еще в утробе, либо вскоре после рождения. Врачи беспомощно разводили руками, но женщина была уверена, что причиной ее страдания было определенное событие. Оказалось, что, когда умерла ее золовка, почему-то не смогли разыскать ее одежду и поэтому покойницу похоронили в повом, только что сшитом платье моей просительницы. И вот с тех пор и начались ее несчастья.

Что можно было посоветовать бедной женщине?

— Об эксгумации и уничтожении остатков рокового платья, разумеется, нельзя было и думать?

— Да, конечно. Кроме того, отпадала возможность и всяких манипуляций с какой-либо одеждой покойной. К тому же мне не хотелось прибегать к помощи дубликатов и подмен, так как примененное средство было, по-видимому, очень сильным и любая ошибка могла оказаться роковой. Нужно было средство простое и верное. И тогда я вспомнил, как бесплодная женщина из § 6 избавлялась от своего страдания.

— Ты имеешь в виду, как она избавлялась от своего «неребенка», мочась на могиле непричащенного?

²⁴ *Даль В.* Пословицы... С. 404.

²⁵ *Даль В.* Толковый словарь..., S. V. *банить*.

²⁶ *Татмер* — по армянски «повивальная бабка» (*примеч. ред.*).

²⁷ *Даль В.* Пословицы... С. 380.

²⁸ *Даль В.* Толковый словарь..., S. V. *банить*.

²⁹ В баню сходить. «Секрет» (?) В баню сходила//Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.; Л., 1966. S. V. *баня*.

³⁰ О свадебном банном обряде см. там же. S. V. *банник*.

— Да. Но теперь это будет ее мертвый ребенок, которого надо изгнать из чрева матери. И это будет сама мертвая золовка, которая примет предназначенного ей неребенка.

— И ты посоветовал этой женщине помочиться на могиле ее золовки?

— Да. Но это как бы она сама лежит в той могиле. Это как бы ее двойник. Его тело — это тело женщины, это ее платье. Но чрево его мертво, мертво навеки. Посмотри, какую могущественную магию применили против этой женщины! Вот почему ее чрево порождало только мертвых детей! Потому я и боялся ошибиться, что магия была такой сильной.

— Ты думаешь, что это была черная магия?

— Не знаю. Хотя женщина и настаивает на колдовстве. Очень может быть, что механизмы магии пришли в движение сами собой. И тем более надо было быть осторожным, потому что нашим противником могла стать неуправляемая сила.

Итак, в могиле фактически лежала та же женщина, но с мертвым чревом. Но нутро не совсем соответствовало телу. Поэтому и следовало заселить тело своим плодом — мертвым плодом.

— И для этого надо просто помочиться на могиле? Но не будет ли мертвое тело сопротивляться непрошеному вторжению?

— Это не в его силах. Мертвый плод безошибочно найдет свою мать, как в § 143 болезнь узнает по одежде, куда ей следует вселиться.

— Но тогда эта женщина может просто вылить на могилу мочу, заранее собранную дома в какой-нибудь сосуд?

— Я бы не советовал ей делать так. Более того, это очень опасно — ведь за то время, пока она будет идти к могиле, в ее чреве может накопиться новая порция мочи, пусть даже самая ничтожная. Мы же имеем дело именно с зарождением, именно с первыми ростками жизни. Опорожнив свой сосуд, она еще не избавится от своего несчастья, потому что в ее утробе уже появился новый мертвый зародыш. Нет, ей непременно надо мочиться на самой могиле, изгнав из своего нутра все до последней капли.

— В таком случае ей, может быть, лучше проделать это три раза — по числу мертвых детей?

— В этом нет никакой надобности. Ведь мертво ее нутро. Следуя твоему совету, ей пришлось бы мочиться там все время, предвосхищая будущие зачатия. Но у нежизни свои законы. Все, что уже отошло к ней, уже одно. Нет уже моего и твоего покойника, все они как бы одно мертвое целое. Поэтому мертвецы теряют свой облик и становятся все на одно лицо. И поэтому всех их поминуют в один день, те же, кто устанавливает дни своего покойника, просто не хотят примириться с тем, что их любимый приобщился к другому, неведомому миру.

Изгоняемый из женщины вечно мертвый плод — это все ее прошлые и будущие дети. Он найдет свое место в уже захороненном мертвом теле ее двойника. Так эта женщина избавится от своего страдания.

145.— Почему у змеи, что искушала Еву, лицо Евы³¹? Во всяком случае, так изображали ее старые мастера.

— Наверное, потому, что змея тут не при чем. Ведь она искушает Еву, а не Адама, к тому же у нее лицо самой Евы. Еву не надо искушать. Ведь она женщина, и искуса находится в ней самой. Когда Создатель сотворил Еву, он хотел, чтобы Адам не был одинок, чтобы он обрел друга. Поэтому он сотворил ему подругу. Заметь, он создал ее из левого ребра Адама, т. е. уже с самого начала в ней есть нечто от левого и кривого.

— Но как же женщина могла стать другом? Ведь всегда приходит момент, когда она обязательно предаст дружбу. В ней просыпается что-то темное и властное, и чувства мешают ей быть истинным другом.

— Но разве ты сам не способствуешь этому? Не ты ли первым делаешь не то?

— Скорее всего, это так. Но я не придаю этому значения. Когда великих риши посещают небесные девы, случайно ли или по наущению богов, даже они не в состоянии устоять перед их красотой. Мгновенная страсть может охватить их, и даже если они и не приблизятся к чудесной апсаре, природа может сделать свое. И в этом я не вижу большого зла. Ведь аскет борется с наваждением, которое живет в нем самом, он изгоняет свои же собственные порождения, тайно вышедшие из сокровенных

³¹ Соответствует § 40 одноименной публикации автора в сб. «Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира». М., 1978. С. 55—83.

его желаний. Но здесь все находится вне тебя, это недолгие состояния, которые могут еще принести свою пользу, как из пролитого семени отшельника родился когда-то Дрона.

— По-видимому, ты прав. Женщина не может стать истинным другом. В дружбе должно быть нечто отличное от чувств супругов или возлюбленных. И поэтому неизбежно Ева должна была в определенный момент предать дружбу. Змей-искуситель в ней самой, и она собою искушает Адама³².

— Но почему это так? Что это в ней, что искушает Адама?

— В ней есть что-то, что помогает ей. Вспомни весьма замысловатые прически и вызывающие наряды наших милых женщин, или же то непонятное, что влечет некоторых пауков к своим самкам — на свою погребель. И не забудь, что женщины — левые и они намного ближе к природе, чем мы.

— Но мы тоже склонны иногда к левизне, особенно когда полностью выходим из-под контроля культуры и попадаем во власть природы. Так в лесу, заблудившись, мы описываем окружность против часовой стрелки, потому что шаг нашей правой ноги больше шага левой. Именно потому, что наше правое сильнее левого — природа всегда уступала культуре, мы и идем незаметно налево, пока не оказываемся там, откуда начали свой слепой путь.

146. — Почему «счастливым сынок в матушку»³³? Почему «материн сын — отцов пасынок»³⁴? Может быть, так вечно возрождается история царя Эдипа?

— Но говорят еще, что «счастливая дочь — в отца, а сын — в мать»³⁵, и еще: «У тетки баловень племянник, а у дяди — племянница»³⁶. У мундугуморов подобный принцип соответствий фиксируется даже в системе родства: сын принадлежит к родственной группе матери, а дочь — отца³⁷. В Западной Африке нечто аналогичное происходит в негативной форме: близнец-мальчик посягает на жизнь своей матери, а его сестра — на жизнь отца³⁸. Я могу привести много примеров, когда мужчины и женщины ритуально обмениваются или вступают в какие-либо отношения с обязательным выполнением подобных перекрестных связей. Такая связь может иметь место в пределах какого-либо одного ритуала или же образовывать непрерывную цепочку из поколения в поколение, как, например, некоторые магические знания у армян передаются обязательно одним полом другому, иначе заклинания теряют силу. Перекрестно соотносятся всевозможные вещи, а не только мужчины и женщины. Когда у тебя болят уши, ты используешь для лечения правого уха молоко, сцеженное из левой груди женщины, а для лечения левого уха — молоко из правой груди³⁹. А герою волшебной сказки нередко отрубают правую руку и левую ногу или наоборот⁴⁰. Или же вспомни богиню-покровительницу города Мадур, как «в левой руке она держала распустившийся золотой лотос, правой рукой сжимала прекрасный сверкавший кри-вой меч. На левой ноге звенело кольцо отважного воина, на правой — дивные браслеты»⁴¹. Вспомни, как обмениваются рукопожатием двое людей, вспомни, наконец, перекрестно-кузенные браки, при которых лицом к лицу стоят два коллектива. Мы уже говорили как-то о том, что человек избегает всего, что напоминает бы зеркальность. Может быть, и здесь он поступает так же, желая видеть сына похожим на мать, а дочь — на отца?

— Ты хочешь сказать, что этот закон перекрестных соответствий виден всюду, где есть человек?

— Да. Этот закон, возможно, способствует лучшему переустройству мира. И он не случаен. Ведь правая половина нашего тела связана с левым полушарием мозга, а левая половина — с правым.

³² О том, почему у змея-искусителя лицо Евы, см. также: *Leach E. Genesis as Myth and Other Essays*. L., 1969. P. 7—23.

³³ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М.: Л., 1961. С. 137.

³⁴ Там же. С. 95.

³⁵ *Даль В. Пословицы русского народа*. С. 384, ср. С. 939.

³⁶ Народные пословицы и поговорки/Сост. Соболев А. И. М., 1961. С. 277.

³⁷ *Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies*. L., 1935. P. 176.

³⁸ *Иванов Вяч. Вс. Близнецный культ и двойная символическая классификация в Африке*//*Africana*. Афр. этногр. сборник. XI. Л., 1978. С. 218.

³⁹ *Лалаян Е. Васпуракан*//*Этногр. журн.* 1913. Кн. 25. № 2. С. 179; *его же*. Область Нор-Баязет, или Геларкуник//*Там же*. 1907. Кн. 16. С. 42 (на арм. яз.).

⁴⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. № 173, 215.

⁴¹ Повесть о браслете. Шилаппадикарам. М., 1966. С. 138—139.

— Что касается внешней организации мира, то, может быть, ты и прав. Но обрати внимание, именно сын должен быть похожим на мать: «кто похож на мать — того будут люди знать, а кто на отца — тот дика овца»⁴². Вторая часть поверья — про дочь и отца, возможно, обязана твоему закону, но главное касается сына и матери. Кстати, классический Эдипов комплекс, который так любят выискивать психологи, также относится в первую очередь к сыну и матери. История же про дочь и отца почти всегда получается несколько искусственной и надуманной.

Вспомни к тому же, что Х-хромосому, ответственную за Х-сцепленное наследование, сын получает только от матери, дочь же получает ее как от отца, так и от матери⁴³.

Поэтому «матушкин сынок» обладает рядом неуловимых свойств, а дурак всегда связан с матерью. Так мы несем глубоко в себе не просто женское начало, а частицу матери.

147. — Если в нас не хватает чего-то женского, мы тут же создаем его искусственно. Хотя мы и чувствуем свое превосходство над женщинами, но чувство зависти не дает нам покоя. Мы, например, делаем вид, что это мы находимся в родовых муках, а не наши жены, незаметно кладем в свою постель новорожденного, чтобы лишить женщин только им присущего качества давать новую жизнь. Мы не можем простить им и ежемесячных кровотечений, с беспокойством усматривая в них причину их особой гибкости и жизнеспособности, и выдумываем себе болезненные искусственные мужские менструации. Мы завидуем даже позе женщин при мочеиспускании и поэтому добровольно садимся на корточки по мусульманскому обычаю или же делаем это вынужденно — из-за специальной генитальной операции, после которой в скрытой части фалла создается искусственное лоно⁴⁴. Мы забываем, что мужская, стоячая поза — это завоевание культуры и что когда-то, в природном состоянии, поза была у всех женской, как, например, ты это можешь заметить у горилл⁴⁵.

Так мы с тревогой следим за женщинами, пытаемся не упустить ни одной их особенности.

— Но ведь они тоже подражают нам. Справляют же они свои тайные церемонии по мужскому образцу, используя типично мужскую символику, например, из области военной или охотничьей практики. Или же подобно нам, ритуально собирающим кровь из оперированного члена, снабжают тяжело заболевшего родственника своей кровью, но кровью не менструальной, считающейся нечистой и опасной, а извлеченной из малых срамных губ. Посмотри, они подражают нам, забыв, что наш ритуал как раз подражает их месячному кровотечению.

— Но их кровотечение природно и подчиняется луне. А наш ритуал создается искусственно и поэтому имеет особую силу. Как огонь, добытый искусственно, выше лесного пожара. Искусственно приобретенное подчиняется контролю, а природное неожиданно и неуправляемо. Папуасы Новой Гвинеи именно так разносят все явления по двум противостоящим рядам, один из которых связан со всем женским, а другой — с мужским. Например, у гурурумба слюна, мокрота и семя резко противопоставляются моче, калу и менструальной крови. Вспомни *ürdhvaretas*, удерживающего семя, направившего его вверх, или даосского монаха, берущего от женщины все, но не изливающего семени, или же вспомни, наконец, как мы мужественно глотаем слезы, считая, что плакать присуще лишь женщинам и детям.

Поэтому женщины и подражают нам, что чувствуют, что наше подражание им каким-то образом превзошло их природные способности.

— Но в природном огне есть нечто ужасное и непонятное. Так и мужской ритуал создает лишь иллюзию победы, а мужчины пребывают в постоянном страхе от скрытых в женщинах неведомых сил, всегда могущих вырваться наружу и завладеть тем миром, который мы так долго и старательно строили.

Так то женское, что мы носим в себе, может вдруг выйти наружу, свергнув мир в начальное естественное состояние. И поэтому всякий левый, женский бунт обычно на миг погружает мир в состояние первородного Хаоса, которого мы вечно боимся, но которому иногда готовы сладостно отдаться, забыв о культуре и трепетно возвращаясь к природе.

⁴² Пословицы, поговорки, загадки... С. 180.

⁴³ См.: Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. Биология человека. М., 1979. С. 150.

⁴⁴ О взаимной зависти мужчин и женщин см.: Bettelheim B. Symbolic Wounds. Puberty Rites and the Envious Male. N. Y., 1971.

⁴⁵ Schaller G. B. The Mountain Gorilla. Ecology and Behavior. Chicago, 1963. P. 203.